

УДК 316.334.3(470.55) + 316.422.42(470.55)
ББК С561.7(2Р-Ч4)

**ДИСКУРСИВНЫЕ СОБЫТИЯ И ПРАКТИКИ:
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРЕПИСКЕ
С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ. 1985–1991 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Е.Г. Сосновских

Предлагается проведение анализа дискурсивных событий и практик совместно с моделями поведения акторов государственно-конфессиональных отношений. Такой подход позволил автору показать особенности трансформации общественного сознания в отношении религии в период перестройки.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные практики; государственно-конфессиональные отношения; модели поведения акторов, верующие.

В современном гуманитарном знании значительное внимание уделяется теме дискурса. Традиционно, под ним понимается некая структура языка, которая образуется с помощью паттернов (фреймов, сценариев), которые определяют содержание коммуникативных актов в той или иной области [12].

Такие широкие трактовки дискурса делают возможным изучение практически любой сферы социальной реальности, особенно тех, где огромное значение играет идеология [13]. Для большей конкретизации исследовательского поля, более уместным представляется понятие «дискурсивной практики» [11]. Дискурс репрезентируется в коммуникативных актах. Именно через язык актуализируются смыслы социальных практик, функционирующих в данном культурном поле. Дискурсивные практики с помощью языковых средств воздействует на реципиента, что может привести к трансформации социальной среды. Изучение коммуникативных практик позволит снизить интердискурсивность и проводить детализированный дискурс-анализ.

В рамках исторических исследований интерес к изучению дискурса перестройки возник сравнительно недавно. Одной из ведущих работ по этой теме является работа А. Юрчака [16]. По его мнению, дискурс перестройки сформировал новые «мифы о советском прошлом», новое общественное сознание, а соответственно, и отношение к советской власти и той эпохе в целом [17]. В рамках изучения государственно-конфессиональных отношений такой подход будет работать лишь для изучения идеологизированной «официальной» коммуникации, оставляя повседневные практики в стороне.

Изменения государственно-церковных отношений отразились как на изменении роли религии в общественном сознании, так и в разнообразных процессах социокультурного плана [14]. В статье представлены в основном православные общины. Мусульманские общины в период перестройки проходили стадию формирования, а потому в меньшей степени проявляли активность. Иудейские общины являются закрытыми и материал об их развитии не доступен для общего пользования.

Дискурсивные практики верующих в процессе переписки можно условно выделить по типам дискурсов: религиозный, социально-политический и религиозно-пропагандистский дискурсы [15]. Особый интерес для темы представляет переписка с органами государственной власти. Во времена перестройки вопросами религии занимался Совет по делам религии СССР и уполномоченный по делам религии Челябинской области (П.И. Востренков, Г.А. Костенко).

В соответствии с социальными практиками в среде верующих можно выделить модели активного поведения людей (верующие в общине), «адаптивную» (новообращенные) и «переходную» (те, кто не сформировал свое отношение к религии, невоцерковленные). Представленные модели сконструированы в рамках концепций социального действия и расширены с учетом дискурсивных практик.

С начала перестройки, верующие стали активно заявлять о своих религиозных нуждах. Росло число религиозных общин Русской Православной Церкви, а соответственно, городу требовалось большее количество приходов. На начало 1985 года в городе функционировал Свято-Симеоновский кафедральный собор, поэтому в августе верующие города обратились с просьбой о предоставлении для удовлетворения религиозных нужд еще одного здания: *«Группа православных верующих неоднократно обращалась в облисполком с вопросом о передаче храма. В котором в настоящее время Краеведческий музей. В городе было 2 храма. Один из них был снесен по решению исполкома. В место него было решено дать верующим другое помещение. Если до 1960 года была нужда иметь в городе 2 храма, то теперь учитывая рост количества населения и количества верующих, иметь второй храм просто необходимо. Число верующих по словам уполномоченного 4500. Размер одной церкви с пристроенными тамбурами к бывшей кладбищенской часовне, известны облисполкому, а так же известно, что в храме 150 м² невозможно вместить всех желающих. Люди вынуждены при любой погоде стоять у ограды»* [1] (Здесь и далее текст писем (орфография, пунктуация, написание заглавных букв и др.) сохранен. *Выделение курсивом, подчёркивание* – автора статьи).

Стилистическая окраска письма показывает, что пишущий обращается к реципиенту как к равному. Причина этого скорее кроется в возрасте

коммуникатора. Письмо написано в официальной манере, что должно настроить реципиента. Такое количество числовых данных указывает не только на то, что пишущий хорошо осведомлен в данном вопросе, но и прекрасно осознает, что без веских доказательств ходатайство не будет удовлетворено. Коммуникативная ситуация соответствует началу периода перестройки, когда решение вопроса передачи зданий культурного назначения все еще оставалось трудным, а атеистическая пропаганда шла полным ходом.

Пользуясь безразличным отношением властей к судьбам храмов и общин, в церковь попадали недобросовестные служители культа. О таких церковных служителях и обмане верующих, общиной храма в феврале 1985 г. было написано письмо: *«Увеличение стоимости свечей на 100 %; заказных – 100 %! Увеличение роста долгов не останавливается. Вот к чему приводит нарушение закона об установлении срока полномочий Церковного совета и ревизионной общины верующих. Наша Челябинская церковь Симеона Праведного ежегодно отчисляет в фонд мира по 240 т.р. Община верующих могла бы перечислять еще большую сумму, но нам необходимо собрать церковный совет – 3 человека и ревизионную комиссию 3 человека. Хотим освободить людей от недобросовестных, нечистых, преследующих корыстные цели, чтобы хозяевами были не те, кто работает, а те для кого они работают»* (февраль 1985 г.) [2].

Данное письмо является не только яркой эмоцией, но и очередной попыткой со стороны верующих показать властям, что они истинные хозяева в церкви. Понимая, что без участия властей этот вопрос решаться не может, верующие указали на их вклад в Фонд мира. В рамках письма это звучит как обязательство, сделка. В контексте, если государственные органы помогут общине разрешить вопрос с церковным советом, она готова перечислять деньги на миротворческие цели. Хотя перечисление денег было не добровольным, и церкви были обязаны перечислять часть своих доходов в этот Фонд. Тем не менее, коммуникативный посыл письма указывает на поиск со стороны верующих стратегии взаимодействия с властными структурами для удовлетворения своих нужд.

Обращались верующие города и с просьбами в частных вопросах функционирования общин: *«К большому сожалению и стыду в нашей общине укрепился враг... Обороняясь от правосудия общины, они обманным путем подготовили отношение уполномоченному П.И. Востренкову якобы от имени общины и просят его ходатайствовать о снятии с учета двух священников, в том числе одного настоятеля храма. Приложили ложные списки прихожан с адресами... Челябинск многонаселенный город и священнослужителям не справиться с совершением треб»* [3] (еще 8 писем, все июль–август 1985г.). Стилистика письма указывает на озабоченность дальнейшей жизнью общины и храма, а также на то, что подобное поведе-

ние порочит облик верующего человека. Ситуация представлена как вышедшая из-под контроля. Община пыталась разобраться в ней самостоятельно, но этого не получилось. Интересно представлен момент взаимодействия с уполномоченным по делам религии. Выглядит так, будто уполномоченный совершенно не разбирается в происходящем или, еще хуже, в стоворе с обманщиками. Учитывая негативное отношение уполномоченного, община не сомневается, что он поддержит ходатайства мошенников и снимет с должности священнослужителей. Такой образ уполномоченного выглядит крайне правдоподобно, соответствует началу перестройки – приверженец существующей идеологии, воинствующий атеист. В конце письма проявляется экспрессивность (правосудие, обман, многонациональный) и следует вывод – городу не обойтись таким количеством священнослужителей. Специального образования у священников не было, те, кто разбирались в культовой деятельности, были на вес золота, в особенности настоятели храмов. В рамках церковной структуры это не только священнослужитель, но и руководитель прихода.

Судьбы храмов широко обсуждались общественностью. Решение таких вопросов во многом зависело от партийных работников, в том числе и от того насколько быстро эти люди могли перестроиться на новый стиль руководства в соответствии с реформами в стране. В 1988 году, после празднования Тысячелетия Крещения Руси, верующие почувствовали себя более свободно, поэтому не боялись обращаться со своими предложениями и жалобами не только в Совет по делам религии СССР, но и к депутатам, и даже к Генеральному секретарю. В мае 1988 г., разгар празднования Тысячелетия Крещения Руси, в адрес М.С. Горбачева пришло письмо от пенсионеров: *«Мы старики обращаемся к вам с просьбой, попросите наших руководителей, чтобы нам открыли церковь. Город большой Челябинск, церковь одна. Нам старикам много не надо да и вообще ничего хорошего не видели. Старики все церковные...* потом еще один к вам вопрос. *Просите наше руководство на местах, чтобы в церковь не посылали артистов (речь о храме Александра Невского – прим. автора), они своим пением мешают церковному хору. Их баснописание с церковным не сходится. С уважением пенсионеры»* [4]. С первых строк прослеживается разница в коммуникативных ролях. Реципиент представлен как последняя инстанция, высшая справедливость. Во времена перестройки М.С. Горбачев был рупором перемен, поэтому многие жители страны надеялись на его влияние и поддержку в решении насущных вопросов. Религия – не исключение. В целом, в письме пенсионеров прослеживается безысходность их ситуации. Радикальных перемен нет, в целом в СССР они хорошо не жили, так как не могли в полной мере реализовать свои религиозные потребности. Тоже касается и использования храма Александра Невского в качестве органный зала. Язык письма изобилует просторечиями, не везде грамотно

расставлена пунктуация, что указывает на преклонный возраст авторов письма, скорее всего, не получивших даже полного школьного образования, а соответственно занимающих низкий социальный статус.

В скором времени в стране созревает необходимость в формировании нового религиозного законодательства, которое отвечало бы требованиям трансформации государственно-конфессиональных отношений. Информация об этом воодушевила верующих на более открытый и последовательный диалог с властями разного уровня. Для того, чтобы все интересы верующих были удовлетворены, они обращались со своими предложениями по этому поводу. Некоторые предложения были представлены в коллективном письме Н.И. Рыжкову и депутатам первой сессии народных депутатов ВС СССР. Авторы писали: *«Где должны принять закон о свободе совести? В СССР или каждой республике отдельно? Нам верующим кажется, что закон должен быть общесоюзным. Смотрели М.С. Горбачева, когда он говорил о свободе совести, где он прямо сказал, что ВС народных депутатов примет закон о существовании полной свободной веры в Бога. И верующие и духовенство будут иметь те же права, что и советский народ... Увы, пустой звон со стороны ЦК КПСС и Советского правительства. Съезд к концу, а закона все нет. На местах, когда верующие обращаются в местные советы о возврате церквей, мечетей...земель для зданий ссылаются на новые законы, власти отказывают ссылаясь на времена застоя и бывшие законы. Законов о религии кроить, выдумывать не надо, надо почитать полный комплекс учебников...На основе Корана и других верований в одного Бога. Обращаемся к Вам просим: давайте покончим навсегда с бессмысленными обещаниями. На всех направлениях религия играет большую воспитательную роль. Особенно мусульманская, всесторонне открывающая правдивость, чистоплотность, доброту. ...Почти весь народ умышленно превращают в безбожных дикарей. С просьбами Уральцы, Свердловск, Челябинск, Башкирия» [5] (август 1988 г.).*

В письме прослеживается озабоченность верующих появлением нового законодательства. С другой стороны, отражен и позитивный момент – после стольких лет гонений можно открыто исповедовать религию. Далее выражено недовольство тем, что решения о новом законе все нет. Причем это недовольство выражено в достаточно грубой форме по отношению к власти, подчеркивая крайнюю степень недовольства. Недовольство верующих становится полностью понятным из последующей информации, которая полностью отражает историческую картину государственно-церковных отношений и указывает на наличие различных типов руководителей на местах. Разные типы руководителей – новаторского типа и закоренелые «советчики», решали вопросы в отношении религии по-разному. К тому же верующие, надеясь на новое законодательство и большую лояльность властей, ожидали скорое разрешение своих проблем, чего не про-

исходило. Стоит отметить, что пишущий, как человек преклонного возраста, но социально активный, не просто просит и объясняет, а видит необходимость «учить» партийный аппарат тому, как необходимо создавать законы. Коммуникатор употребляет не только всем известные факты, подчеркивает особую роль своего вероисповедания, рассказывает о нравственной миссии религии и в конце подчеркивает невежество не только властей в вопросе религии, но и тех, кто верующими не является. Цель данного письма весьма прозрачна – религиозный закон – Божий закон. Для верующих это является аксиомой. Но возможно ли регулировать отношения государства, общества и религии опираясь исключительно на религиозные представления?

Изучая дискурсивные практики верующих Челябинской области в рамках переписки с государственными органами, нельзя упустить из виду массив писем по проблеме открытия храма. Все эти письма разноплановые, написаны, по-видимому, разными общинами или жителями разных населенных пунктов близ города. В том числе, например, в г. Сатке в 1988–1989 гг.

Началась эта долгая активная переписка с просьбы верующих о публикации официального обращения на страницах местной газеты, которое вызвало общественный резонанс. Выглядит оно следующим образом: *«В связи с реформами политической системы в СССР и решением 19 Партконференции о разделении функций партийных и советских органов в количестве 2161 человек: 1. Отменить решение 1957 года 11 июня о закрытии единственной церкви г. Сатки. Решение является противозаконным, и идущим в разрез с 1929 года от 8 апреля. 2. Отменить его как политически устаревшее. 3. Принять решение о переводе краеведческого музея из здания церкви в здание, разрушенное властями в 40-х–50-х годах здание памятник архитектуры Белой церкви, в которой находится экономически нерентабельный кинотеатр. 4. Требуем от депутатов решения о восстановлении снаружи, внутри одной из трех оставшихся церквей»* [6].

По стилистике письмо выглядит как резолюция. Вполне возможно, что автором его является человек, который когда-то работал в партийной структуре и хорошо знаком с тем как составляются подобные документы. В период перестройки некоторые члены партий приходили к вере, тайком крестили детей, вели культовую жизнь. Такая тональность письма могла быть негативно воспринята властями, не удивительно, что секретарь горисполкома города заявила: *«Церковь мы вам никогда не отдадим»* [7]. В попытках добиться своего, верующие написали письмо депутатам городского совета и теми же верующими было написано и открытое письмо депутатам городского совета [8] и в Президиум ВС СССР [9].

Итогом этой переписки длинной в полтора года стали письма в адрес местных и государственных органов, критикующих власть и политический

курс страны. Так в письме за 4 мая 1989 г. утверждалось: «Что за *партия*, в которой говорят одно, а ноги и руки (рядовые члены партии) делают другое? Почему народ должен служить партии? ... До каких пор решение этого вопроса будет зависеть от того, с какой ноги сегодня встала Башкова (сек. горисполкома г. Сатка, прим. автора) и ее личного отношения к религии? Такое сумасбродство со стороны местных властей продолжает действовать в духе «сталинизма»... Целая армия теоретиков партии ломает голову о причине сталинизма, когда причина лежит на ладони – извращение святой народной мудрости, пренебрежение духовными традициями народа. Ведь борьба с верующими началась еще при Ленине, не его ли это ошибка?» [10].

В тексте видно недовольство членами партии «на местах», противоречие в основной линии перестройки – между моделями поведения партийного руководства «старой закалки» и «перестраиваемым народом», а также личное отношения к религии и политике советского государства.

Таким образом, толчком к активизации переписки верующих и государственных органов стало Тысячелетие Крещения Руси, что в целом повлияло на дальнейшее развертывание отношений церкви и общества. Представленная переписка вместила в себя ряд дискурсивных событий и коммуникативных практик, касающихся всего спектра государственно-конфессиональных отношений. С точки зрения стилистики, письма написаны простым языком, без соблюдения каких-либо правил обращения к официальным органам. По форме больше представлены как жалоба или просьба о помощи. Соблюдение правил грамматики, орфографии, пунктуации практически отсутствует, что характерно для коммуникантов преклонного возраста. Принимая во внимание этот факт, становится понятной и стилистика. Именно поэтому, местами встречается критика позиции властей в отношении религии.

Именно старшее поколение в СССР сохранило религиозную веру. С другой стороны, сами перестроечные процессы могли стимулировать приход к религии (своеобразный кризис сознания). Переписка верующего населения указывает на особенности трансформации общественного сознания, которое реализовывалось в активной и адаптивной моделях поведения людей. Модели поведения служащих государственных органов (активного поведения людей, «адаптивная» и «переходная» модели) представлены в данных дискурсивных практиках опосредованно, через рассуждения верующих и примеры, которые они приводят, прямо ссылаясь на взаимодействие с ними.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-6991. Д. 3051. Л. 11.

2. ГАРФ. Р-6991. Д. 3051. Л. 26–27.
3. ГАРФ. Р-6991. Д. 3051. Л. 16.
4. ГАРФ. Р-6991. Д. 3752. Л.9.
5. ГАРФ. Р-6991. Д. 4144. Л. 37–38.
6. Там же. Л. 6–8.
7. Там же. Л. 25.
8. Там же. Л. 9–11.
9. Там же. Л. 5.
10. Там же. Л. 25.
11. Иссерс, О.С. Дискурсивные практики нашего времени / О.С. Иссерс. – 2-е изд., испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 16–22.
12. Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс; Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – С. 17.
13. К таким отнесем, например, работы М. Фуко, Н. Фэркло, Э. Лакло и Ш. Муфф, Т. ван Дейка, дискурсивную психологию, т.е. критический анализ дискурса.
14. Сосновских, Е.Г. Общественное движение за реставрацию зданий религиозного назначения в период перестройки 1985–1991 гг. (на материалах Челябинской области) / Е.Г. Сосновских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – № 32. – Вып. 19. – С. 61–64
15. Сосновских, Е.Г. Применение дискурс-анализа для изучения культурных практик и моделей поведения акторов государственно-конфессиональных отношений / Е.Г. Сосновских // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 752–757.
16. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. / А. Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 604 с.
17. Там же. – С. 43–48.

[К содержанию](#)